

Таким образом, говоря о степени предрасположенности бурятского и английского языков к словосложению, мы, очевидно, будем констатировать скорее совпадение, чем расхождение. При этом, кроме общей констатации, можно отметить и сходство в большой склонности и того и другого языков к именному сложению и гораздо меньшую склонность к глагольному сложению. Однако английскому языку, в отличие от бурятского языка, в значи-

тельной степени удалось компенсировать этот недостаток благодаря весьма распространенной в этом языке конверсии $N > V$, где N может быть сложным словом: *an atombomb > to atombomb*, а также благодаря обратному словообразованию: *baby-sitting < to babysit*. В результате бурятские эквиваленты таким двусловным глаголам, как правило, выглядят в виде словосочетаний.

Поступила в редакцию 24.11.2006

Литература

1. Срезневский И.И. Замечания об образовании слов и выражений. СПб., 1873.
2. Василевская Е.А. Словосложение в русском языке: очерки и наблюдения. М., 1962.
3. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Сб. статей по языкознанию. М., 1939.
4. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике: Избр. тр. М., 1975.
5. Потиха З.А. Современное русское словообразование. М., 1970.
6. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1967.
7. Шадрин В.И. К вопросу о семантико-синтаксической классификации сложных существительных английского языка. Пятигорск, 1993.
8. Н. Weil. De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparees aux langues modernes. Paris, 1844.
9. Доза А. История французского языка. М., 1956.
10. Дондуков У-Ж.Ш. Развитие лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 2004.
11. Шевченко Г.Н. Продуктивность модели морфологически сложных слов с первым субстантивным элементом типа *to baby-sit* в современном английском языке. М., 1976.
12. Dickenmann E. Unteruhungen iiber die Nominalkomposotion im Russischen. Leipzig, 1934.
13. Бертагаев Т.А. Сочетания слов и современная терминология. М., 1971.
14. Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология: лексико-семантические процессы и деривация. М., 1984.
15. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1986.
16. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М, 1989. <http://sch-yuri.narod.ru/intermed/zabotkina.htm>.

УДК 809.41/43; 809.44/45

П.М. Кузнецов

ФУНКЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ВАХ-ВАСЮГАНСКОМ ДИАЛЕТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Томский государственный педагогический университет

В вах-васюганском диалекте хантыйского языка часто встречается суффикс *-aқи/-aқи*, присоединяющийся к наречиям и прилагательным. Причем значения обоих последних, оформленных этим суффиксом, неоднозначно трактуются как в хантыйских словарях, так и информантами – носителями вах-васюганского диалекта. Целью настоящей статьи является рассмотрение функций данного форманта.

Н.И. Терёшкин называет этот суффикс «предикативным показателем имени прилагательного» [1, с. 59]. На это же указывает и В. Штайниц, трактуя лексему *рәүтәки* (вах.) как «черный (в неатрибутивной функции)» (от *рәүтә* «черный») [2, с. 1135]. То есть данный формант присоединяется просто к тем прилагательным, которые выполняют синтак-

сическую функцию сказуемого, и об изменении лексического значения имени после присоединения суффикса *-aқи/-aқи* (вах-вас.) речи не идет. По этой же причине мы постоянно встречаем этот формант в сравнительных конструкциях в качестве морфологического оформителя модуля конструкции. Под модулем мы понимаем прилагательное, обозначающее признак, по которому осуществляется сравнение. Сама конструкция синтаксически является предложением, где каждый ее элемент является определенным членом предложения. Сейчас мы говорим о сравнении на основе признака предмета (а не действия), а при таком сравнении модулем конструкции всегда будет прилагательное. Модуль в конструкции всегда выполняет

роль сказуемого, а прилагательное в роли сказуемого всегда должно присоединять формант *-aқи/-aқи*. Почему же в словарях мы встречаем так много примеров, где образования на *-aқи/-aқи* переведены прилагательными со значением слабой степени содержания качества?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала рассмотреть образования на *-aқи/-aқи* в составе предложений, т.е. в роли сказуемого. Рассмотрим предложения, полученные в результате работы с ваховскими информантами, обращая внимание на то, как они переводят прилагательные на *-aқи/-aқи*. Предложения: 1) *Ti köyäl sorn'aң-aқи* (вах.) «Эти чашки – золотые» (*sorn'aң* ‘золотой’); 2) *Apan tusәң-aқи* (вах.) «Твой отец – бородатый» (*tusәң* ‘бородатый’); 3) *Қojni ti tayi nölәң-aқи* (вах.) «Это место на болоте – топкое» (*nölәң* ‘топкий’); 4) *Ti қul marnәң-aқи* (вах.) «Эта рыба – икряная» (*marnәң* ‘икряной, с икрой’); 5) *N'älің witra pöl'tәң-aқи* (вах.) «Ржавое ведро – дырявое» (*pöl'tәң* ‘дырявый’); 6) *Ti rayali woјәң-aқи* (вах.) «Этот мальчишка – толстый» (*woјәң* ‘толстый, жирный’); 7) *Nuң parosnan қulің-aқи* (вах.) «Твои свиньи – грязные» (*қulің* ‘грязный’) [3]; *juңk nuk etәмқalwәl, semәl nәрәү-әқи* (вас.) «Чёрт наверх выходит, глаза-его воспаленные» (*juңk* ‘чёрт’, *nuk* ‘наверх’, *etәмқalwәl* ‘выходит’, *sem-әl* ‘глаза-его’ (притяж. суф. 3-го л. ед. ч. *-әl*); *nәрәү* ‘воспаленный’ + *-әқи*) [4, с. 157].

Мы видим, что информанты переводят все сказуемые русскими эквивалентами со значением *полного* качества, хотя все хантыйские прилагательные здесь оформлены суффиксом *-aқи/-aқи*. Аналогичные переводы прилагательных на *-aқи/-aқи* (вах.-вас.) мы находим у В. Штайница: *oүpi köläk-әқи* (вах.) «дверь открыта», *lawka köläk-әқи* «магазин открыт» (*köläk* ‘открытый’) [3, с. 627]; *қat öқәм-әқи* (вах.) «дом маленький» (*öқәм* ‘маленький’) [3, с. 43]; *әјәl täsäң-әқи, әјәl көn'ar-әқи* (вах.) «Один – беден, другой – богат» (*täsәң* ‘богатый’, *көn'ar* ‘бедный’), срав. с предложением северо-восточной подгруппы диалектов: *әјәl tasәң, әјәl kon'ar*. (тр.-юг.) «Один – беден, другой – богат» [3, с. 16].

Н.И. Терёшкин (1) и М.К. Могутаев (5) также иногда переводят однокоренные прилагательные на *-aқи/-aқи* и без *-aқи/-aқи* одним и тем же русским эквивалентом. Примеры из хантыйско-русского словаря М.К. Могутаева: *lasқay = lasқay-aқи* (вас.) «гибкий, пружинистый» [5, с. 120]; *morәү = morәү-aқи* (вас.) «целый, здоровый, небольшой» [5, с. 150]; *tär'am = tär'am-aқи* (вас.) «проворный» [5, с. 275]; *toylәү = toylәү-aқи* (вас.) «смирный» [5, с. 282]; *jalaw = jalaw'-aқи* (вас.) «новый» [5, с. 334]. Примеры Н.И. Терёшкина; *әј = әј-әқи* (вах.) «маленький»; *ätәм = әtәм-қи* (вах.) «плохой» [1, с. 128]; *wan'ı' = wan'ı'-әқи* (вах.) «тонкий, узкий» [1, с. 129]; *woјәң =*

woјәң-aқи (вах.) «жирный»; *wijaң = wijaң-aқи* (вах.) «хитрый, лукавый»; *wәләү = wәләү-aқи* (вах.) «косой, кривой» [1, с. 131]; *jәм = jәм-әқи* (вах.) «хороший, добрый» [1, с. 138].

Данные переводы наводят на мысль, что самостоятельного значения слабой степени содержания признака предмета суффикс *-aқи/-aқи* не имеет и проявляется оно лишь тогда, когда говорящий сам это подразумевает.

Тот факт, что перевод прилагательных на *-aқи/-aқи* зависит от того, что именно подразумевает в данную минуту говорящий, подтверждается и тем, что в словаре М.К. Могутаева обнаружены прилагательные на *-aқи/-aқи*, которые автор переводит как *сильную* степень содержания признака предмета. Таким образом, можно было бы заключить, что один и тот же формант имеет диаметрально противоположные значения. Теоретически, конечно, возможно, что противоположность значений суффикса *-aқи/-aқи* зависит от лексического значения оформляемого слова. Тогда нам пришлось бы выделить несколько групп лексем так, что слова первой группы после оформления суффиксом *-aқи/-aқи* получили бы значения неполного качества, слова второй группы – наоборот, значение усиленного качества, а слова третьей группы вообще не подверглись бы изменению значения. Однако если внимательно рассмотреть примеры (большинство из которых приведены выше), можно заключить, что найти критерии для выделения подобных групп крайне затруднительно. Таким образом, значения суффикса *-aқи/-aқи*, по встретившимся нам переводам, иногда противоречат друг другу. Мы считаем, что для подобных расхождений в переводах имеется значительно более простое объяснение, нежели зависимость от лексического значения имени, которое оформляется рассматриваемым суффиксом.

Н.И. Терёшкин, вероятнее всего, совершенно правильно определяет суффикс *-aқи/-aқи* как предикативный показатель. Из этого следует, что последний играет исключительно грамматическую роль и на лексическое значение слова он влияния не оказывает. Об этом же свидетельствуют и те примеры, где прилагательные на *-aқи/-aқи* и без него переводятся одним и тем же русским прилагательным (см. выше).

Тем не менее не следует игнорировать и тот факт, что довольно большое количество лексем на *-aқи/-aқи* переведено прилагательными со значением слабой степени содержания качества, а некоторые лексеммы – прилагательными со значением сильной меры обладания качеством. По нашему мнению, эти противоречивые значения объединяет то, что говорящий в обоих случаях выказывает свое личное отношение к данному качеству, свое неравнодушие к наличию данного качества у определяе-

мого. Иными словами, о «сухой» констатации того, что кто-то (или что-то) просто обладает признаком качества, речи не идет.

Напротив, сообщение подается с некой эмоциональной окраской, что вполне объяснимо. Дело в том, что мы говорим исключительно о прилагательных в предикативной функции. Делая слово, сообщающее о качестве, сказуемым, т.е. одним из главных членов предложения, говорящий придает, несомненно, большую важность факту наличия этого качества. И не удивительно, что сам говорящий проявляет в данном случае свое участие. Именно это представляется нам наиболее логичным и, возможно, единственным объяснением, почему лексемы на *-aқи/-aқи* говорящие ханты переводят прилагательными то со значением неполного качества, то со значением сильной степени содержания качества, а то и вовсе со значением нейтрального наличия качества.

Наша точка зрения относительно эмоциональной окраски, вкладываемой в данные слова, основана на анализе переводов соответствующего языкового материала, а также – на объяснениях значений лексем на *-aқи/-aқи*, которые информанты давали автору настоящей статьи. Мы высказали данное предположение лишь с целью показать, что суф-

фикс *-aқи/-aқи* не является формантом, придающим значение неполного качества, как и значение сильной степени содержания качества. Он лишь показывает, что данное прилагательное является в предложении сказуемым (в грамматическом аспекте), а также то, что говорящий придает важность тому качеству, которое обозначается этим прилагательным (в лексическом аспекте). Для говорящего в этом случае качество имеет большую важность, чем если бы данное прилагательное имело бы, скажем, атрибутивную функцию и, следовательно, не оформлялось бы суффиксом *-aқи/-aқи*.

Таким образом, во-первых, в грамматическом плане не вызывает сомнений тот факт, что данный формант действительно является предикативным показателем, не способствующим изменению лексического значения слова. Во-вторых, в плане семантики суффикс *-aқи/-aқи* указывает на то, что определяемое качество имеет важность для говорящего. Вследствие этого информанты часто переводят лексемы на *-aқи/-aқи* с помощью русских прилагательных неполного качества или же прилагательных со значением сильной степени содержания качества.

Поступила в редакцию 19.04.2007

Литература

1. Терёшкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. М.-Л., 1961.
2. Steiniz W. Dialektologisches und Etimologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin, 1984.
3. Полевые записи Кузнецова П.М. Информант Панышина В.Е., Ханты-Мансийск, 2000.
4. Erdödi, Kecskeméti, Ein Märchen im Vasjagan-Dialekt des Ostjakischen // Ural-Altäische Jahrbücher. Bd. 42. Wiesbaden, 1970.
5. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Составитель М.К. Могутаев. Томск, 1996.

УДК 809.41/43; 809.44/45

Э.Р. Миндиярова

МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ В ХАНТЫЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Томский государственный педагогический университет

Грамматическая категория принадлежности, свойственная имени существительному как особой части речи, представлена как в хантыйском, так и в татарском языках. Эту грамматическую категорию для тюркских языков в свое время установил Н.К. Дмитриев и определил как «такую грамматическую категорию, которая выражает одновременно и предмет обладания, и лицо обладателя» [1]. Подобным же образом данная грамматическая категория определяется и в хантыйском языке. Категория принадлежности выражается несколькими способами: 1) морфологически, т.е. с

помощью особых морфем, так называемых аффиксов принадлежности, присоединяемых к основе существительного [1], например: в хан. *ǰ'ım* (брат-мой), в тат. *abj'em* (брат-мой); 2) морфологически-синтаксически, т.е. с помощью личных местоимений, находящихся в препозиции к определяемому, и соответствующих им аффиксов принадлежности, присоединяемых к концу названия предмета обладания, например: в хан. *mä ǰ'ım* (мой отец-мой), в тат. *minem atam* (мой отец-мой); 3) синтаксически, т.е. с помощью сочетания личных местоимений с названием предмета обладания, напри-